

Ю. В. Бромлей, О. И. Шкаратан

О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИОЛОГИИ

Все крупные обществоведческие проблемы наших дней являются комплексными. И хотя эта идея не нова, на практике наблюдается стремление ученых замкнуться в рамках узкоспециальных проблем. Однако комплексность в решении научных задач не отрицает, а, наоборот, требует четкого выявления предметной области каждой научной дисциплины. Обычно в трудах социологов с этой точки зрения рассматривается предметная область социологии в соизмерении с экономической, правовой и другими науками, изучающими конкретные сферы общественной жизни. К сожалению, при этом социологи упускают из виду две очень важные для соотношения с социологией науки — историю и этнографию. А именно при учете специфических познавательных функций этих наук во многом может быть уточнен и наш взгляд на социологию.

Проблемы взаимосвязи и разграничения наук чрезвычайно сложны. Это общее и бесспорное положение, однако, относится к разным типам общественных наук далеко не одинаково. Когда мы говорим о соотношении наук, изучающих отдельные конкретные сферы жизни общества, например, таких как экономика, право, лингвистика, то здесь — при всей условности и подвижности их границ — несомненно, имеется сравнительная устойчивость в междисциплинарном размежевании.

Но обращаясь к таким наукам как история и этнография, мы сразу же сталкиваемся со значительными трудностями и в определении их предметной области, и в их разграничении. Ведь обе они претендуют на широкий охват общества, стремятся к изучению всех сторон общественной жизни. К этому в последние годы добавилась активизация работ в области социологии — науки, также претендующей на изучение общества в целом. Долгие годы у нас под социологией разумелся лишь исторический материализм, который в своем развитии опирался на конкретные исследования специальных общественных наук. Теперь же развитие исторического материализма опирается также на собственное эмпирическое основание — конкретные социологические исследования, которые в последнее время стали энергично проникать в некоторые традиционные области изучения этнографической и исторической наук. В этой новой ситуации представляется особенно существенной необходимость разобраться в соотношении трех названных наук. Решение этого нелегкого вопроса осложняется тем, что каждая из них составляет фактически систему научных дисциплин, отдельные из которых могут также рассматриваться как относительно самостоятельные отрасли знания.

Немалая путаница в трактовке вопроса о соотношении этнографии, истории и социологии связана с тем обстоятельством, что в силу близости этих наук один и тот же ученый в своих работах очень часто переходит грани, условно их разделяющие, выступая одновременно и историком, и социологом, и этнографом. Между тем, мы обычно склонны причислять труды этого ученого, а соответственно и все изучаемые им сюжеты, к одной из названных наук.

До сих пор подчас можно встретить мнение, что определение предмета соответствующей науки, ее взаимосвязи со смежными научными дисциплинами не имеет существенного значения. Однако, как показывает опыт развития науки, невнимание к этому важному методологическому вопросу нередко приводит к серьезным просчетам в планировании научных исследований, затрудняет разделение и кооперацию труда, ведет как к ненужному дублированию, так и к образованию пробелов в изучении отдельных важных проблем. В свою очередь, такое невнимание, отчетливо проявившееся в недостаточном развитии исследований по классификации наук, способствовало, в частности, тому, что интересующий нас вопрос о соотношении истории, этнографии и социологии не получил еще вполне четкой характеристики.

Рассматривая этот вопрос, следует иметь в виду, что вообще формирование предметной области любой науки — исторически непрерывный процесс, вызываемый общественными потребностями. Предметная область научных дисциплин складывается в силу научных традиций, реального опыта науки. Изменение предметной области конкретных дисциплин происходит в настоящее время также путем системно-логического анализа науки. В этом анализе, в частности, существенная роль принадлежит выявлению из всей совокупности познавательных задач, выдвигаемых практикой, именно тех, решение которых составляет специфику данной науки в отличие от других.

Вместе с тем определение предмета науки неразрывно связано с выяснением ее соотношения со смежными областями знания. Хотя это может показаться парадоксальным, но как раз узко взятые суждения о предмете отдельных наук всегда чреваты опасностью расширительного толкования его.

Именно поэтому в настоящей статье особое внимание уделено соотношению истории и этнографии с такой близкой им дисциплиной как социология.

Однако, прежде чем переходить к непосредственному рассмотрению этой основной темы статьи, представляется необходимым отметить некоторые общие и специфические черты всех трех названных наук, учет которых может оказаться полезным для определения их места в системе наук об обществе.

Начнем с исторической науки.

Историческая наука — наиболее широкая и многоплановая отрасль знания об обществе, но не о современном его состоянии, а о прошлом; даже современное общество историческая наука рассматривает как конечный (на момент исследования) этап прошлого. Речь идет, разумеется, об исторической науке в узком смысле слова. «Специфика той науки, которой занимается историк, — справедливо отметил А. В. Гулыга, — состоит в том, что она обращена к прошлому ... История не занимается перспективами развития общества (хотя ее выводы имеют важное значение при определении последних), ее взгляд ретроспективен, ее внимание приковано к достигнутым результатам»¹.

Итак, предмет исторической науки — прошлое человеческого общества во всем его реальном многообразии. Нет тех сторон в жизни человечества, которые не были бы предметом рассмотрения в истории².

¹ А. В. Гулыга, О предмете исторической науки, «Вопросы истории», 1964, № 4, стр. 23—24; см. также В. М. Лавровский, К вопросу о предмете и методе истории как науки, «Вопросы истории», 1966, № 4.

² Многие важные вопросы, касающиеся определения предметной области истории как науки, рассмотрены в ряде вышедших в последние годы работ: Б. А. Грушин, Очерки логики исторического исследования, М., 1961 (особенно стр. 17—18); П. Н. Федосеев и Г. П. Францов, Социология и история («Социология в СССР», т. I, М., 1965); А. И. Уваров, Структура теории в исторической науке («Труды Томского ун-та», т. 178, 1965, т. 193, 1967); В. Н. Орлов, Роль научного описания в исто-

Историческая наука органически сочетает познание единичного, особенного и общего в развитии человечества. Своеобразие ее подхода к рассмотрению общества состоит в том, что она обращается к единичному не только как к базису для выявления особенного и общего, но и для сохранения в памяти человечества реального хода событий, для воспроизведения индивидуального и случайного. Поэтому фактической единичей анализа в исторической науке выступает не только социальная (в том числе и этническая) группа, но и индивид, поскольку задача этой науки состоит в выявлении, с одной стороны, общего и особенного, а с другой — в раскрытии индивидуального и случайного, что предполагает освещение роли конкретных исторических личностей, действующих в конкретных исторических ситуациях. Поэтому в истории значительное место занимает описание происходивших явлений, реконструкция исторического образа.

По способам исследования историческая наука отличается преобладанием генетического подхода над структурным (который не отвергается, но является вспомогательным средством). Попутно заметим, что, как известно, история не выступает в виде летописи событий дней минувших, что специфика творчества историка (и этнографа) не сводится к его особой близости к музам. Кстати, на практике под этой близостью зачастую понимается бесконечное и достаточно скучное (несмотря на встречающееся, хотя и редко, блестящее по форме изложение) описание третьестепенных исторических подробностей, интересных лишь самому автору, но опускаемых при чтении даже его ближайшими коллегами. Прав был П. Н. Федосеев, когда говорил, что отождествление истории с искусством «преследует цель взорвать историю как науку»³.

Советские этнографы в своем большинстве сходятся на том, что объектом их науки являются все этнические общности. Рассматривая в качестве такого объекта в первую очередь современные народы, этнографы отнюдь не ограничиваются этим. Они включают в поле своего зрения не только существующие в момент изучения, но и все когда-либо существовавшие в прошлом этнические общности⁴.

Ядро предметной области этнографии, на наш взгляд, составляет изучение устойчивых характерных черт, прежде всего отличительных особенностей этносов, создающих в своей совокупности их неповторимый облик. При этом, в силу диалектической взаимосвязи отдельного и целого в поле зрения этнографов нередко оказываются целиком те сферы общественной жизни, в которых наиболее отчетливо проявляется этническая специфика.

рическом исследовании («Философские науки», 1966, № 1); А. В. Гулыга, Понятие и образ в исторической науке («Вопросы истории», 1965, № 9); его же, О характере исторического знания («Вопросы философии», 1962, № 9); Г. М. Иванов, Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке («Вопросы истории», 1962, № 12); Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки («Вопросы истории», 1966, № 8) и т. д.

На наш взгляд, несколько расширительно трактуется предмет исторической науки в статье А. И. Вербина и П. М. Егидеса «О соотношении законов исторического материализма и исторической науки» («Вопросы философии», 1968, № 2). Они относят раскрытие специфических законов к области исторического знания в его чистом виде, тогда как это область исторической социологии, общей зоны истории и социологии. Приводимые ими примеры о теоретической деятельности конкретных авторов говорят лишь о том, что данные авторы (Л. Г. Морган и другие) выступали не только как историки, но и как социологи.

³ Заклнчнтельное слово акад. П. Н. Федосеева в сб. «История и социология», М., 1964, стр. 333.

⁴ См., например, «Очерки общей этнографии. Общие сведения. Австралия и Океания, Америка, Африка», под ред. С. П. Толстова, М. Г. Левина, Н. Н. Чебоксарова, М., 1957, стр. 7—13; С. А. Токарев, О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 133; «Основы этнографии», под ред. С. А. Токарева, М., 1968, стр. 5—6.

Кроме того, следует иметь в виду, что этнические черты на разных этапах социального развития общества проявляются далеко не одинаково. Как известно, в ранних архаических формах этнических общностей в силу их социально-экономической замкнутости этнические особенности пронизывают все сферы общественной жизни. На следующей ступени этнического развития — на стадии так называемой народности — этническая специфика обычно находит наиболее устойчивое проявление в языке и материальной культуре, но в некоторых других сферах (например, в социальных отношениях) она уже менее выразительна, чем на предыдущей ступени. На стадии нации, в условиях которой повседневная жизнь, в первую очередь материальная культура и быт, все более нивелируется, сфера проявления этнической спецификации еще более сужается: она концентрируется (помимо языка) в основном в духовной культуре и сознании этнической принадлежности. Более того, в современных обществах наблюдается тенденция исчезновения этнической спецификации даже в обычаях, обрядах и других материальных носителях духовного склада этнической общности. Этническая специфика все более уходит в глубинные сферы этнической психологии⁵. Поэтому не случайно этнограф, занятый архаическими обществами, изучает и структуру производства, и социальную структуру и т. д. Когда же он переходит к изучению народностей, то его внимание сосредоточивается прежде всего на анализе культурно-бытовых явлений, ибо здесь этническая специфика проявляется особенно отчетливо.

Поскольку этнографическое изучение этнических общностей в высоко развитых обществах только начинается, на него нередко переносят представление о предмете этнографии, сложившееся применительно к предшествующим типам этносов. И для этого есть определенное основание. Общеизвестно, что этнические процессы протекают более медленно, чем социально-экономические. В силу такой замедленности даже в промышленно развитых и значительно урбанизированных странах определенная этническая специфика долгое время сохраняется и в сфере материальной культуры и быта. Если же учесть, что между этнографическим изучением народностей и наций практически не проводится принципиальных различий, то станет понятным, почему исследование культурно-бытовых особенностей этнических общностей стало сутью этнографического подхода к современности. Отсюда и особое внимание этнографов к семье, являющейся той социальной ячейкой, которая аккумулирует и воспроизводит информацию о повседневном образе жизни и является носителем традиций этого образа жизни.

Характерная черта процесса познания, присущего этнографической науке, в конечном счете сводится к рассмотрению единичного лишь как базиса для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном. Поскольку выявление особенного связано со сравнительно высоким уровнем абстракции, отвлечением от единичного, постольку в этнографии гармонично сочетаются структурный и генетический подходы. Познание же особенного помогает понять всеобщее в развитии человечества. Тем самым этнография может выступать и как наука, разрабатывающая специальные теории, раскрывающие закономерности развития этнических общностей.

Методика этнографических исследований в значительной мере predetermined их предметом, тем, что этнография изучает не только прошлое, но и настоящее народов. С этим связана большая роль в этнографических исследованиях материалов, полученных о современном населении в ходе специальных полевых экспедиций, включая широко

⁵ Кстати сказать, с указанными изменениями в немалой степени связаны и те недоразумения, которые возникают при обсуждении предметной области этнографической науки в процессе дискуссий между этнографами, занятыми изучением обществ, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития.

распространенный метод непосредственного наблюдения. Важное значение имеет и ретроспективный метод; большие возможности его приложения связаны с тем, что этнические особенности, изучаемые этнографией, отличаются высокой степенью устойчивости, и поэтому сведения о современных народах могут широко использоваться для реконструкции их этнического прошлого. Этнография базируется также на данных письменных, археологических и других самых разнообразных источников. Вообще следует подчеркнуть, что поскольку познавательные задачи этнографии требуют исследования не какой-либо одной конкретной сферы жизни народов, а всех сфер, в которых находит проявление этническая специфика, постольку этой науке присущ комплексный подход и применение многообразных приемов изучения общества, созданных в различных науках.

Рассмотрим теперь предметную область социологии.

Когда речь идет о предмете социологии, то следует иметь в виду, что предмет социологии не оставался неизменным на разных этапах ее развития. Мы будем говорить лишь о предмете современной марксистской социологии.

В течение многих лет сам термин «социология» обычно употреблялся лишь применительно к буржуазным исследованиям. Однако во второй половине 1950-х годов этот термин стал вновь активно применяться в марксистской литературе. При этом не лишне вспомнить, что В. И. Ленин именовал исторический материализм марксистской социологией. Но марксистская социология не исчерпывается историческим материализмом. Как склонны считать многие советские социологи, она имеет три уровня рассмотрения общества:

а) уровень общесоциологической теории (исторический материализм, который выступает и как философская, и как социологическая наука), т. е. общей теории функционирования различных социальных организмов. К этому уровню относится, например, раскрытие основных закономерностей смены социально-экономических формаций, соотношения производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки и т. д.;

б) уровень специальных социологических теорий (теория города как социального организма, теория социальной структуры, теория этнических общностей);

в) уровень конкретных социологических исследований, которые проводятся для анализа механизма действия законов общественного развития, изучаемых именно социологией. Эти законы суть законы взаимодействия, внутренней связи различных сторон общественной жизни⁶.

Если большая часть общественных наук изучает общество по сферам, родам деятельности, то социология изучает как общество в целом, так и его подсистемы (нации, поселения, классы, предприятия, семьи и т. д.) в единстве основных сторон жизнедеятельности.

Социологии на всех ее уровнях присуще рассмотрение общества как системы, т. е. она изучает его как сложнейшее переплетение классовых, профессиональных, национальных, семейных отношений, взаимосвязей между группами индивидов, обладающими определенными социальными свойствами и вытекающими из этих свойств их специфическими интересами. Это, подчеркиваем, наука, занимающаяся группами, а не лицами.

⁶ См. по этому вопросу: В. П. Рожин, О предмете марксистской социологии, сб. «Вопросы марксистской социологии», Л., 1962; Ф. Константинов, В. Келле, Исторический материализм — марксистская социология, «Коммунист», 1965, № 1; Г. В. Осипов, Основные черты и особенности марксистской социологии, сб. «Социология в СССР», т. I, М., 1965; В. Ж. Келле, О некоторых направлениях развития исторического материализма, «Вопросы философии», 1967, № 10; В. А. Ядов, К вопросу о марксистской социологии как науке, «Философские науки», 1968, № 2; М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган, Ю. Е. Волков, Социология: некоторые методологические вопросы, там же.

Наблюдение за реальным ходом развития научных исследований показывает, что имеет место тенденция к формированию относительно самостоятельных научных дисциплин, анализирующих социальные объекты как подсистемы общества (и базирующихся на разрабатываемых специальных социологических теориях, которые апеллируют в общеметодологических посылах не только к историческому материализму, но и к марксистской политической экономии и т. д.). Речь идет о социологии классов, социологии города, этносоциологии и т. д. Они образуют, вместе взятые, социологию как самостоятельную науку, которая имеет предметом исследования совокупность материальных, экономических, социально-психологических и идеологических отношений в функционирующих сегодня социальных объектах⁷.

Общесоциологическая марксистская теория, т. е. исторический материализм, в своем развитии опирается на достижения частных общественных наук, использует результаты конкретных социальных исследований, проводимых экономистами, правоведами, этнографами, историками и др. Но она в своем поступательном движении базируется также на конкретных социологических исследованиях, которые специально ориентированы на раскрытие механизма действия как общих законов взаимосвязи различных сторон общественной жизни (например, закона об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию, законов классовой борьбы и т. д.), так и социологических законов конкретных формаций, которые также относятся к данному обществу, взятому в целом, а не к отдельным сферам его жизни, скажем, экономической (например, законов сближения между умственным и физическим трудом, стирания граней между классами в коммунистической формации).

Касаясь вопроса о характере конкретно-социологических исследований, представляется существенным остановиться на одном довольно частом недоразумении: к числу таких исследований относят обществоведческие работы на том лишь основании, что в них используются материалы опросов, применяются математические методы и получаются результаты, приложимые к практике управления обществом. Между тем все три момента как порознь, так и в совокупности могут иметь место и в работах представителей других общественных наук, скажем, экономистов, этнографов и т. д. Так, очень многие исследования этнографов имеют прикладной характер и по своей методике подчас мало отличимы от конкретно-социологических изысканий. Суть дела, естественно, не в методике, а в общей цели, определяющей познавательные задачи той или иной науки.

Впрочем, указанное недоразумение не случайно. Специфические особенности развертывания конкретно-социологических исследований в нашей стране не могли не сказаться на их методике. С самого начала они

⁷ Ряд авторов (по-разному аргументируя свою точку зрения) уже сегодня склонны считать социологию самостоятельной научной дисциплиной (см. А. Г. Агамбегян, Э. Г. Юдин, Актуальные проблемы марксистской социологии, «Вопросы философии», 1966, № 2; Р. В. Рывкина, О структуре предмета социологии как системы наук, «Социологические исследования. Вопросы методологии и методики», Новосибирск, 1966; Г. В. Осипов, Социология как наука, «Социальные исследования», вып. 2, М., 1968; А. М. Румянцев и Г. В. Осипов, Марксистская социология и конкретные социальные исследования, «Вопросы философии», 1968, № 6). А. М. Румянцев и Г. В. Осипов отмечают: «Социология изучает общество как целостную, организованную систему социальных отношений, институтов, общественных групп, взаимодействующих друг с другом, т. е. социальную структуру общества ... Специфика и отличие социологии от других общественных наук (политической экономии, права и др.) состоит в том, что она изучает социальные системы и социальные явления с точки зрения их воздействия на развитие социальных отношений между людьми, на формирование человека, его сознание и поведение; при этом исследуется и обратное влияние определенных систем социальных отношений людей на экономическое и политическое развитие общества» (Указ. раб., стр. 5).

в методическом плане были ориентированы на использование современных научных процедур (системный анализ, математический аппарат и т. д.), которые получили развитие в психологии, биологии, математической физике и т. д. В сочетании с традиционными в гуманитарных науках способами исследования образовался богатейший набор методических и технических приемов. Это, между прочим, и привело к широко распространенному убеждению, что наличие определенных приемов сбора и переработки информации в той или иной обществоведческой работе делает ее социологической. Но это, конечно, далеко от истины. Не процедура исследования, а его познавательные функции определяют своеобразие научной дисциплины, хотя здесь имеет место и определенная взаимосвязь.

Познавательные задачи социологии как науки предопределяют своеобразие, присущее ей в способах анализа общества. В социологии единичное выступает лишь как носитель информации об особенном и всеобщем. При этом социология в своих выводах абстрагируется не только от единичного, но и от особенного, стремясь раскрыть всеобщее, т. е. раскрыть все виды закономерностей взаимосвязи различных сторон общественной жизни. А это в конечном счете обуславливает преобладание в социологии структурного подхода, ее можно отнести к научным дисциплинам, где генетический подход (метод) является лишь вспомогательным способом анализа.

На уровне конкретно-социологических исследований совершается в процессе познания переход от первичных эмпирических данных, сформированных в узлы фактов, к анализу конкретной социальной ситуации. Именно это позволяет произвести первичные теоретические обобщения, а уже на данной основе при доказательстве их типичности перейти к конструированию специальной теории. Однако подобный переход ко второму уровню социологии связан с дедуцированием определенных теоретических посылок из общесоциологической теории и не является поэтому прямым и непосредственным обобщением информации, собранной в процессе конкретно-социологического исследования.

Конкретные исследования, вытекающие из общественных функций социологии, совсем не сводятся к одному типу. Их по крайней мере можно отметить три. Во-первых, это конкретно-социологические исследования, которые претендуют на раскрытие механизма действия законов взаимосвязи сфер общественной жизни на современном материале. Во-вторых, это конкретно-эмпирические исследования, проводимые социологами для изучения конкретных сторон жизни современного общества и не претендующие на получение широких обобщений, помогающих выявлению закономерностей общественного развития (например, конкретные исследования в области радио, телевидения, деятельности партийных организаций на предприятиях и т. д.). Наконец, третья группа (или третий тип), о которой обычно забывают, — конкретные социолого-исторические, если можно так выразиться, исследования. Этот тип аналогичен первому с той разницей, что базируется не на сборе информации от живых людей или в текущем делопроизводстве, а ориентирован на информацию, содержащуюся в исторических источниках. Последний тип исследований образует в конечном счете область исторической социологии (например, изучение социальной структуры феодального общества). Таким образом, эта область знания, можно сказать, является общей зоной для исторической и социологической наук⁸.

⁸ В этой связи привлекает внимание та часть предложенного М. М. Громыко определения задач исторической социологии, где она отмечает возможности этой науки, связанные с выявлением «общих социальных закономерностей», для выделения «в механизме социальных связей общего для разных эпох» (М. М. Громыко, О некоторых задачах исторической социологии, «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общ. наук», № 11, вып. 3, 1967, стр. 121).

Переходя к непосредственному сравнению истории, этнографии и социологии следует прежде всего еще раз подчеркнуть некоторые наиболее существенные общие черты в их подходе к изучению общества. Как и во всех марксистских общественных науках, у них едины философско-методологические принципы рассмотрения общества. Единым является объект изучения — человеческое общество на всех этапах его развития. Общее есть и в том, что имеются «зоны» знания, равноправно и одновременно входящие в предметную область двух или трех рассматриваемых наук. Общей является во многих случаях источниковедческая база для решения специфических познавательных задач. Совпадают также и многие применяющиеся методы и процедура исследования.

Различие проявляется прежде всего в специфике способов познания в этих науках. Как мы уже говорили, в то время как историческая наука органически сочетает познание единичного, особенного и всеобщего в развитии человечества, этнографический подход к изучению общества предполагает прежде всего рассмотрение единичного лишь как базиса для выявления особенного, как носителя информации об этом особенном.

В отличие от этнографов социологи в своих выводах обычно абстрагируются не только от единичного, но и от этнически особенного, стремясь прежде всего раскрыть всеобщее, т. е. основные законы взаимосвязи различных сторон общественной жизни. Но познание особенного и познание всеобщего представляет собой диалектически единый процесс. Поэтому сравнительное изучение особенностей этносов неразрывно связано с раскрытием типичных черт общего в развитии человечества. Это, так же как и отвлечение в процессе познания от единичного, сближает этнографию с социологией на всех ее уровнях.

Специфика каждой из рассматриваемых наук проявляется также в формировании их предметной области, т. е. в своеобразии угла зрения, видения общества. Одни и те же конкретно-исторические ситуации по-разному преломляются в присущем каждой научной дисциплине подходе к их рассмотрению.

Поясним этот тезис. Возьмем для примера село Вирятино, которому этнографы посвятили специальную монографию⁹. Это село, рассматриваемое само по себе, выступает как единичное явление; рассматриваемое же как тип русского села оно выступает носителем этнически особенного; но в нем есть и всеобщее, типичное для социалистического села. Очевидно, что этнограф абстрагируется от единичного, характерного только для данного села, скажем, от действия отдельных его жителей, конкретных событий и т. д., хотя все это важно для историко-монографического изучения того же села. Внимание этнографа прежде всего, естественно, привлекают этнические особенности, присущие жителям Вирятина, причем эти особенности могут быть характерными либо для всего русского народа, либо для его отдельной этнографической группы. Социологи тоже монографически изучают села. Вспомним, например, исследование Копанки¹⁰. Авторы этого исследования прежде всего интересовало данное село как носитель информации об общем, присущем всему крестьянству Советского Союза.

Конечно, нами предложена как бы идеальная модель исторических, этнографических и социологических исследований. На практике же мы обычно имеем дело с переплетением исследований, когда, как уже говорилось, один и тот же ученый или группа ученых одновременно осуществляют функции представителей разных дисциплин.

Указанные выше различия между рассматриваемыми науками в способе познания особенно отчетливо проявляются на уровне конкретных исследований (и исторических, и этнографических, и социологических).

⁹ «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», М., 1958.

¹⁰ «Копанка. 25 лет спустя», М., 1965.

Ведь именно на этом, так сказать, первичном уровне более всего сказывается разница в их отношении к единичному, особенному и всеобщему. На уровне же специальных теорий происходит сближение и даже определенное совпадение предметных областей всех трех рассматриваемых наук. Обусловлено это тем, что в данном случае не только социолог, но и представители двух других наук в конечном счете занимаются выявлением закономерностей. Не случайно, скажем, в происходящей сейчас дискуссии по такой специальной теории, как теория наций, приняли участие и философы, и историки, и этнографы. Что же касается высшего теоретического уровня, то здесь история, этнография и социология как бы сливаются, точнее говоря, первые две дисциплины как бы поглощаются социологией.

Поэтому совершенно очевидно, что наиболее многозначной и сложной, а следовательно и заслуживающей наибольшего внимания, является проблема их взаимосвязи на уровне конкретных исследований.

Остановимся на некоторых аспектах соотношения исторических и социологических исследований. Это тем более важно, что тематика работ по современности в реальной практике историков советского общества и социологов на сегодняшний день в значительной мере совпадают.

И в конкретно-историческом, и в конкретно-социологическом исследовании имеются две части: методологическая и процедурная (методика и техника исследования)¹¹.

На уровне общей методологии и историческое, и социологическое исследования базируются на общей социологической теории, т. е. историческом материализме. Здесь нет различий между отмеченными типами исследований.

Следующий уровень — специальная методология данного исследования. На этом уровне речь идет о специальных социологических теориях, имеющих общую методологическую основу, о механизме действия социологических законов в конкретных исторических условиях, о формулировании гипотез и об определении основных понятий данного исследования, эмпирической трактовке их, создающей условия для перехода от теоретического этапа исследований к сбору данных.

В таком общем виде и на этом этапе не улавливаются различия между историческим и социологическим исследованием. На самом деле здесь уже есть несовпадающие зоны, которые раскрывают специфику исторической и социологической методологии. Такой основной структурной частью, отсутствующей в социологии, в методологии исторического исследования является реконструирующая часть со своим понятийным аппаратом¹². Отсюда по-иному выступает проблема факта в историческом исследовании. Социолог в конкретном исследовании может прибегнуть к прямому наблюдению, обратиться даже к эксперименту. Историк, как правило, лишен такой возможности. Прошлое предстает перед ним в виде «следов», оставленных событиями в документах и в жизнедеятельности общества на момент исследования.

В этой связи характерны высказывания двух авторов. Один из них занялся проблемой факта с позиций социолога (В. А. Ядов)¹³, другой подошел к проблеме факта с позиций исторического знания (В. Н. Орлов)¹⁴.

¹¹ Общая схема основных элементов конкретного социологического исследования описана В. А. Ядовым (см. его статью «Актуальные вопросы конкретных социологических исследований», «Философские науки», 1965, № 5, особенно стр. 6; его же, Методология и процедуры социологических исследований, Тарту, 1968).

¹² Здесь мы исходим из посылки, что к теории относится не только совокупность знаний об объекте, но и типовые способы получения знаний. Эти типовые способы являются сущностью специфического «видения» общества с позиций конкретной науки.

¹³ В. А. Ядов, Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании, «Философские науки», 1966, № 5.

¹⁴ В. Н. Орлов, Роль научного описания в историческом исследовании.

Общим для обоих авторов является признание того, что научный социальный факт всегда содержит в себе элементы научной абстракции. Для этого они (факты) должны быть описаны, проверены (адекватно ли отражают события), объяснены и включены в теоретическую систему истории или социологии как эмпирическая основа.

Различия выступают при рассмотрении фактов индивидуального поведения и индивидуального сознания. В. А. Ядов ставит задачей «суметь увидеть в фактах индивидуального поведения и индивидуального сознания их социально-всеобщую сущность»¹⁵. Поэтому для него понятие «научный факт» приближается к понятию «статистический факт»¹⁶.

В историческом же исследовании чрезвычайно важны и факты отклоняющегося индивидуального поведения и сознания. Для социолога одиночка-изобретатель из рабочей среды не представляет научного значения, так как его задачей (социолога) является лишь обнаружение устойчивых причинно-следственных связей. И поэтому он констатирует отсутствие в данной ситуации технического творчества рабочих. Для историка этот одиночка-изобретатель выступает как исторически значимый факт из прошлого народа, факт, не только эмоциональный и имеющий воспитательное значение, но и как факт, индивидуализирующий портрет эпохи¹⁷. В. Н. Орлов совершенно справедливо добавляет: «В исторических фактах устанавливаются и отображаются: а) определенные моменты в развитии исторических процессов (их возникновение, функционирование, переход в другое состояние); б) конкретные свойства, признаки, принадлежащие только данному явлению и выражающие его характерные особенности»¹⁸.

Отсюда вытекают специфические методологические функции исторической теории, связанные с реконструкцией объекта исследования¹⁹. Этих функций нет в методологии конкретного социологического исследования, что связано с различным подходом к изучению одного и того же объекта у историков и социологов. Возьмем для примера изучение становления коммунистического отношения к труду. Социолог выявляет структуру отношения к труду, раскрывает ее причинно-следственные связи с социальной действительностью и со структурой личности работника, изучает статистически фиксируемые тенденции. Историк показывает, как менялось и меняется отношение к труду рабочих на фоне конкретных исторических ситуаций, наполняет изложение живыми лицами, героями истории.

Социологический анализ современности зачастую толкает на поиск в прошлом такого рода фактов, которые в цепи событий 1920-х или 1940-х гг. казались незначительными, второстепенными, «следы» которых в документах встречаются крайне редко. Поэтому развитие конкретных исторических и социологических исследований должно проходить в тесной взаимосвязи, а во многих случаях и комплексно, в рамках единых коллективов.

Например, было бы весьма эффективным проводящееся советскими социологами исследование диалектики материальных и духовных стимулов к труду дополнить историческим исследованием на эту же тему, охватывающим все годы Советской власти. Это дало бы большой эффект и для социологии, ибо многие взаимозависимости, казалось бы, анало-

¹⁵ В. А. Ядов, Об установлении фактов в конкретном социологическом исследовании, стр. 30.

¹⁶ Там же, стр. 32.

¹⁷ На практике же речь идет о расстановке акцентов: историк самоцелью исследования может сделать персоналию о рабочем самородке, социолог же использует данный научный факт, обнаруженный историком, в своем обобщающем (абстрагированном от индивидуализирующих деталей) сочинении.

¹⁸ В. Н. Орлов, Указ. раб., стр. 48

¹⁹ Вопрос этот разрабатывался в нашей отечественной литературе А. И. Уваровым (А. И. Уваров, Указ., раб.).

тичные при рассмотрении основных характеристик структуры данного явления на современном этапе развития, находят объяснение в историческом прошлом.

Что касается процедуры исследования в конкретных исторических и социологических работах, то это должно служить предметом специальной публикации. В общем виде можно было бы отметить следующее. Почти нет методов и технических приемов, традиционных в практике как историков, так и социологов, которые были бы бесполезны или не нужны для конкретных исследований и в той и другой области. Речь идет лишь о пропорциях в их применении.

В этой связи следует остановиться на историческом способе познания, который часто вызывает у историков ощущение резкого отграничения их науки от социологии. Дело в том, что в реальной практике развития исторической науки конкретно-описательные исследования явно преобладают. Поэтому генетический метод, как правило, предстает лишь как хронологическо-описательный, что и дает возможность реконструкции деталей эпохи. Такой способ реализации генетического метода ограничен целиком рамками исторической науки. В социологии ему нет места. Но генетический метод имеет и другой способ реализации — стадийный подход. Этот подход вполне приложим к практике как историко-социальных, так и социологических исследований.

Определение взаимозависимости таких сложных и многоэлементных систем наук как социология и история требует выявления особых отношений каждой из частных дисциплин, входящих в одну из этих систем, с конкретными составными частями другой системы. Особого внимания заслуживают при этом стыковые научные дисциплины, общие зоны для этих наук. Такой зоной, например, является историческая социология, которую не следует путать с социологией (или философией) истории. Историческая социология, другими словами, социальная история, как мы уже отмечали, это конкретная дисциплина, исследующая историческое развитие совокупности социальных отношений в обществе. Она равноправно входит как в историческую науку, так и в социологию.

Эта мысль может быть пояснена сравнением с историей экономики, которая выступает как экономическая история, частью и исторической науки, и экономической.

Перейдем теперь к рассмотрению в некоторых общих чертах соотношения этнографии с историей и социологией.

Советская этнография является глубоко исторической дисциплиной; и это относится не только к ее методу, но и в значительной мере к предметной области. В то же время следует подчеркнуть, что этнография не ограничивается реконструкцией прошлого, она вместе с тем рассматривает современные народы как живую, существующую в настоящий момент действительность. Поэтому в этнографии есть исследовательские зоны как входящие в рамки исторической науки, так и выходящие за ее пределы. При конкретном сопоставлении этнографии с историей, разумеется, следует особо остановиться на так называемых общих зонах знания, равноправно и одновременно входящих в предметную область обеих наук. Как известно, важнейший раздел этнографической науки составляет так называемая историческая этнография, которая включает в себя прежде всего этническую историю. Этот раздел в то же время является существенным компонентом исторического знания. Показательно, что исследования по этнической истории принадлежат перу как этнографов, так и историков, включая археологов. При этом историков и этнографов объединяет применение стадийного подхода в изучении динамики этнических процессов, в то время как во многих других случаях в исторических исследованиях применяется иной вариант исторического метода — хронологическо-описательный, например, в политической истории. В рассматриваемом случае в значительной мере обща и источ-

никоведческая база. Но здесь у этнографов есть также своя специфика — применение материалов полевых наблюдений современных народов для ретроспективного изучения этнической истории. Правда, они в данном случае служат скорее дополнением, чем основным источником. Гораздо важнее свидетельства письменных памятников, а там, где они отсутствуют, показания археологических источников, которым нередко принадлежит определяющая роль в исследованиях ранних этапов этногенеза.

Важную сферу взаимопроникновения интересов этнографов и историков представляет история культуры в широком смысле этого термина, т. е. история всех материальных и духовных ценностей, созданных людьми.

В силу огромного многообразия культуры наряду с исторической наукой, охватывающей историю культуры в целом, изучением ее отдельных аспектов занято, как известно, немалое число специальных дисциплин: таких, как, например, история искусств, в свою очередь распадающаяся на целый ряд субдисциплин (история изобразительного искусства, музыки, театра и т. д.), история различных областей науки и техники, история литературы и т. д. Так как этнические черты в той или иной степени проявляются почти во всех сферах культуры, то ее этнографическое изучение пересекается не только с исторической наукой в целом, но и почти с каждой из перечисленных специальных дисциплин. Это в известной мере распространяется даже на те из них, которые исследуют результаты индивидуального профессионального творчества в области искусства и литературы, что недавно было отмечено в специальной статье С. А. Токарева²⁰. Но гораздо более близки интересы этнографии и исторической науки, в том числе и некоторых специальных исторических дисциплин, при изучении массовых форм культуры. Первостепенное внимание этнографов к этому роду культурных ценностей легко объясняется тем, что именно в явлениях массовой культуры наиболее ярко проявляется этническая специфика.

Особенно значительное место в этнографических исследованиях в нашей стране уже издавна занимает изучение истории массовых народных форм материальной культуры. Как раз в этой области традиционно сотрудничают этнографы и археологи. Их кооперация основана прежде всего на том, что для тех и других основным источником являются не письменные, а вещественные памятники.

Однако в подходе этнографов и археологов к таким памятникам есть и существенные отличия. Они, во-первых, состоят в том, что этнографы исследуют не только и не столько памятники, добытые в археологических раскопках, сколько те предметы материальной культуры, которые либо сохранялись от прошлого в музейных и иных коллекциях, либо бытуют в момент изучения. Поскольку при изучении истории материальной культуры важнейшим является метод непосредственного наблюдения, постольку этнографии принадлежит в этом случае особая роль; разумеется, тут речь идет о тех разделах истории материальной культуры, которые не базируются на археологических источниках.

Второе различие требует некоторых пояснений. Изучение памятников материальной культуры, помимо добытых в археологических раскопках, составляет традиционную и почти монопольную область этнографии. Поэтому этнограф здесь проводит, как правило, исследования комплексного характера: описывает и классифицирует вещественные памятники, раскрывает общие тенденции в развитии материальной культуры и, наконец, выполняет «заказ» собственной науки по выявлению

этнической специфики материальной культуры путем сравнительно-исторического анализа.

Нам представляется, однако, что дальнейший прогресс научного знания требует более четкой специализации в изучении истории материальной культуры. Все ошутимей становится отсутствие особой отрасли исторической науки, главной целью которой явилось бы изучение закономерностей развития материальной культуры, конкретно-историческое описание ее форм и классификация их. Существование такой дисциплины позволило бы этнографам сосредоточиться и в данном случае на выявлении черт этнически особенного в вещественных памятниках.

Нельзя не упомянуть и такую важную сферу научных интересов этнографов как быт народов. Подобно истории материальной культуры в его изучении решающая роль принадлежит этнографам. Объясняется это тем обстоятельством, что в качестве основного носителя информации выступают материалы, собранные методом непосредственного наблюдения.

Значительная роль данных, собранных подобным способом, отличает и этнографический подход к изучению истории таких носителей этнической специфики, как обычаи, обряды и нравы. Непосредственные наблюдения, сбор полевых материалов являются важнейшим методом и при рассмотрении одного из наиболее массовых видов духовной культуры — устного народного творчества. Правда, в целом — это область исследования особой науки — фольклористики, соотношение которой с этнографией составляет особую проблему²¹.

Важную область сопряжения этнографии с другими историческими дисциплинами, в первую очередь с археологией, представляет история первобытного общества. В силу отмеченных выше причин этнограф при этом охватывает общество в целом и в данном отношении его подход ничем по существу не отличается от подхода к изучению общества историком в узком смысле слова. Отличие здесь в ином: опять-таки в историко-этноведческой базе. При изучении, например, этнической истории этнограф, как уже говорилось выше, привлекает полевые материалы лишь в качестве дополнения, при изучении же первобытности этнограф прежде всего базируется на материалах, собранных в ходе непосредственного наблюдения архаических явлений, а чаще их пережиточных форм; свидетельства письменных источников, как и данные археологии, используются им обычно лишь как дополнение.

Таким образом, у истории и этнографии есть немало общих зон исследовательских поисков, хотя специфика подхода к рассмотрению изучаемых объектов и в этих случаях сохраняется. Однако этнография имеет исследовательские зоны, которые выходят за рамки исторической науки. Историческая наука, в узком смысле слова, трактует данные о прошлом человеческого общества, хотя и доводит его изучение до современности. Этнография же выступает и как конкретная наука, изучающая этническую специфику жизни современных народов; более того, одной из ее задач является определение тенденций в развитии этнических общностей, прогнозы в области этнических отношений.

С другой стороны, если история как наука обращается к единичному для реконструкции реального хода событий, то этнография в этом плане не интересуется единичным. Историзм этнографии — в стадийном подходе к динамике развития изучаемых объектов, ей не присущ хронологический-описательный подход. Поэтому реконструкция исторического образа в историко-этнографических исследованиях носит более абстрактный характер, чем в исторической науке.

²¹ См. К. В. Чистов, Фольклор и этнография, «Сов. этнография», 1968, № 5.

Благодаря давним традициям контактов между историками и этнографами вопрос о взаимоотношениях этих двух областей знания не вызывает каких-либо недоумений и неясностей. Иначе обстоит дело с взаимосвязью этнографии и социологии.

Перед советскими этнографами поставлена важнейшая и ответственнейшая задача — исследовать современные этнические процессы как у нас в стране, так и за рубежом. Актуальность этой проблемы была отмечена на XXIII съезде КПСС.

Сама же проблематика современных этнических процессов лежит на стыке двух наук — этнографии и социологии. Это, в свою очередь, заставляет поставить вопрос о соотношении конкретно-социологических и конкретных этнографических исследований.

В кругах этнографов и социологов можно встретить примерно такие точки зрения на соотношение этнографии и социологии:

а) социология — наука теоретическая, этнография — эмпирическая дисциплина;

б) социология изучает современное урбанизированное общество; этнография — неурбанизированное общество;

в) социология изучает социальные процессы, этнография — этнические (некоторые социологи не относят этнические процессы к социальным);

г) социология в процедурной части основывается на математике и статистике, а этнография — на научном описании и объяснении наблюдаемых явлений.

После всего сказанного об этих науках, нет, очевидно, необходимости доказывать, что такого рода подходы упрощают проблему.

При ее рассмотрении прежде всего необходимо подчеркнуть, что у этнографии и социологии имеется общая зона. Ею является этническая социология, которую можно рассматривать как подраздел, с одной стороны, этнографии, а, с другой стороны, социологии.

Эта зона образуется при изучении взаимного пересечения этнических и социально-классовых явлений. Такого рода исследования являются основой этносоциологии; при этом их можно расщепить на два взаимосвязанных направления: социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в отдельных социальных группах; одно, так сказать, социально-этническое, другое — этно-социальное. Оба направления, как мы видим, представляют пересечение процессов и структур. Конечная задача исследований первого направления — выявление путем сравнительного анализа воздействия различных этнических сред на ход социальных процессов. Основная цель исследований второго направления — установить зависимость от социальных факторов степени устойчивости традиционных форм быта, а также других аспектов этнических процессов, таких как национально-смешанные браки, двуязычие и т. п.

Само собой разумеется, что разработка первого из названных направлений представляет особый интерес для социологов, а в исследовании второго более заинтересованы этнографы. Но бесспорно, что в обоих случаях специалисты по одной из этих дисциплин не могут обойтись без помощи другой.

Поскольку этническая специфика наиболее наглядно проявляется в сфере культуры и быта и воспроизводится прежде всего через семью, постольку именно в данных областях имеет место особенно активное взаимодействие этнографических и конкретно-социологических исследований.

Следует заметить, что в силу уже отмеченных причин особая близость наблюдается между конкретно-социологическими и полевыми этнографическими исследованиями современности. Именно этим в значительной мере объясняется то, что на протяжении довольно длительного отрезка времени этнография в нашей стране фактически была единст-

венной наукой, частично выполнявшей функции конкретной социологии, правда, нередко довольствуясь при этом традиционными этнографическими методами.

Касаясь процедуры исследования, видимо, следует также учитывать изменение объекта исследования у этнографа. В урбанизированном обществе этническая специфика, как уже отмечалось, все более исчезает из материального быта. Более того, в сфере духовной культуры уходят в прошлое такие традиционные носители этнической специфики как обряды, верования и т. д., которые этнографы успешно изучают сложившимися в этнографической науке методами. Этническая специфика у современных народов все более уходит в глубины этнической психологии, проявляясь в национальном самосознании, национальных стереотипах, национальном характере. Поэтому изучение этих фундаментальных основ национально особенного невозможно без решительного обогащения методики и техники исследования, так как непосредственное наблюдение в данном случае явно недостаточно.

Здесь этнографу (пожалуй, в большей мере, чем историку, работающему преимущественно над письменными источниками), есть что позаимствовать у социолога и психолога.

В свое время социологи как у нас в стране, так и за рубежом, активно использовали опыт полевых наблюдений, накопленный этнографами. В свою очередь, этнографическая наука в настоящее время может использовать методику и технику исследований, которые не являются достоянием лишь социологии, но получили в ней большое развитие. Было бы в равной мере неверно как отбросить богатейшие научные традиции, так и ограничить себя лишь непосредственным наблюдением и другими традиционными методами сбора информации.

Более активный переход этнографической науки к исследованию народов современных промышленно-развитых стран уже сам по себе предполагает применение в дополнение к традиционным методам непосредственного наблюдения методик, разработанных в социологической и психологической науках специально для нужд анализа взаимоотношений людей в современном обществе.

Речь идет, прежде всего, о системно-структурном подходе к анализу объектов, когда любой социальный процесс (объект) рассматривается как сложная система. При этом отдельные стороны, характеризующие данный процесс, изучаются как элементы целостной системы, структуру которой представляет взаимосвязь этих элементов. При этом предусматривается изучение объекта как системы, находящейся в развитии, с учетом воздействия на него внешних факторов и процессов; происходящих в самой системе²².

Кроме того, из опыта социологии могут быть использованы методы формализации, типологизации и квантификации (т. е. применения количественных методов), а также моделирования²³. Что касается применения математических методов, то, как показало Всесоюзное совещание по применению количественных методов в социальных исследованиях, состоявшееся в апреле 1967 г. в г. Сухуми, нет никаких оснований для

²² См.: Г. П. Щедровицкий, Проблемы методологии системного исследования, М., 1964; В. Н. Садовский, Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы, «Социология в СССР», т. I; Б. А. Грушин, О структуре динамических процессов, там же; его же, Очерки логики исторического исследования; Н. Стефанов, Методологические проблемы на структурный анализ, София, 1967; Н. В. Блауберг, Э. Г. Юдин, Системный подход в социальных исследованиях, «Вопросы философии», 1967, № 9, и др.

²³ В. А. Устинов, Применение вычислительных машин в исторической науке, М., 1964; П. П. Маслов, Статистика и социология, М., 1967; «Количественные методы в социологии», М., 1966; В. Н. Шубкин, Количественные методы в социологии, «Вопросы философии», 1967, № 3; Э. В. Беляев, Проблемы социологического измерения, «Вопросы философии», 1967, № 7; «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации», М., 1968, и др.

пессимизма. В то же время ничем не оправданы надежды решить принципиальные теоретические вопросы гуманитарных наук с помощью данной тематики²⁴. Это всего лишь хорошее вспомогательное средство²⁵. Весьма плодотворным представляется использование выборочного метода и типологических процедур (оба эти вопроса связаны между собой). Современная наука, к сожалению, не может отразить всего богатства и разнообразия фактов, как хранимых источниками, так и наблюдаемых в живой действительности. Поэтому чрезвычайно важен опыт социологов по применению типологических процедур. Ведь только классификация по типам социальных функций общностей индивидов (включая этнические общности) позволяет активно применять выборку. Проблема эта методологическая, поскольку сводится к установлению взаимосвязи между общим, особенным и единичным. По-видимому, весьма перспективной окажется для этнографов так называемая органическая классификация по нескольким свойствам, отражающим одно и то же качество общностей индивидов²⁶. В результате можно исследовать сложнейшие исторические и этнические процессы в масштабах целой страны, опираясь на данные, полученные на сравнительно ограниченном числе объектов.

Опыт конкретной социологии весьма полезен также в области сбора и переработки информации: методы проверки первичной информации, метод обработки массовой печати (контент-анализ), опросы с отработанной процедурой их проведения, сбор автобиографий с опорными вопросами, методы статистико-математической обработки информации и применения ЭВМ²⁷.

В заключение следует подчеркнуть, что этнографические исследования тесно взаимодействуют отнюдь не только с историческими и социологическими. Специфика предмета этнографии приводит к тому, что у нее нет «зон», разделов знания, которые не пересекались бы с какой-либо из смежных наук, позволяющих углубить познание этнически особенного. Поэтому, наряду с историко-этнографическим и этнографо-социологическим, в ней существуют и другие научные направления, являющиеся результатом пересечения этнографии с географией, лингвистикой, психологией, антропологией и т. д. Более того, в тех случаях, когда при этом рассматриваются явления, относящиеся к прошлому, мы имеем как бы пересечение трех наук: этнографии, одной из только что названных наук (например, географии) и истории.

Сочетание же этнографии с сопредельными науками при изучении современности приводит к формированию научных зон, выходящих за рамки исторической науки. Это обусловлено уже указанным выше особым подходом этнографии к современности, отличающим ее от истории, но зато тесно сближающим с конкретной социологией.

Таковы некоторые наблюдения о взаимоотношении истории, этнографии и социологии. Мы прекрасно сознаем, что эти наблюдения носят

²⁴ «Количественные методы в социальных исследованиях. Материалы совещания в Сухуми», «Информационный бюллетень ССА», 1968, №№ 8, 9.

²⁵ Как справедливо заметил В. Э. Шляпентох, «...престиж математики у гуманитариев зависит от их математической подготовки: у людей, абсолютно несведущих, математика пользуется минимальным престижем; у тех, кто знает о ней не очень много — максимальным; у людей более подготовленных — умеренным» («Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 40).

²⁶ Фрэнк Йетс, Выборочный метод в переписях и обследованиях, М., 1965; Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория, М., 1961, стр. 259—263; Г. М. Андреева, Современная буржуазная эмпирическая социология, М., 1965, стр. 160—165.

²⁷ В. А. Ядов, Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования, «Вопросы философии», 1966, № 10; А. Л. Свенцицкий, Интервью как метод конкретного социологического исследования, «Философские науки», 1965, № 5; Г. М. Андреева, Современная буржуазная эмпирическая социология, и др.

самый предварительный характер и далеко не охватывают всей проблемы. Но нам все же представлялось своевременным наметить решение хотя бы части непосредственно относящихся к ней дискуссионных вопросов.

SUMMARY

The article shows that ethnography, history and sociology have features in common and specific features. As in all Marxist social sciences they are at one in their philosophical-methodological principles underlying their approach to the study of society. The object of research—human society in all stages of its evolution—is the same. These three sciences also have in common certain spheres of knowledge which enter simultaneously as equivalent parts into their fields of research. Specific features of each science are mainly manifested in the angle from which society is viewed.

Soviet ethnography is a profoundly historical branch of science. This is characteristic not only of its methods but to a large extent also of its range of subjects. Historical ethnography, which includes primarily ethnic history, the most important section of ethnographical science, represents at the same time a vital component of historical knowledge. The same is true of the history of primitive society. However ethnography includes spheres of research which stand outside the field of historical science. History in the narrow sense of the word has for its subject the past of human society though its study is brought up to modern times. Ethnography does not confine itself to reconstructing the past; at the same time it considers modern peoples as a live reality existing in the present.

History studies in an integral unity the individual, the special, and the general in human evolution; it turns to the individual not only in order to bring out the special and the general but also to elicit the unique, the accidental. On the other hand, the ethnographic approach to the study of society presupposes the examination of the individual merely as a base for revealing the ethnically special, merely as a carrier of information about this special.

Sociologists, unlike ethnographers, usually abstract their conclusions not only from the individual, but from the ethnically special; they endeavor first and foremost to reveal the general, i. e. the general laws of interdependence between various aspects of social life. But the knowledge of the special and of the general is a dialectically indivisible process. The comparative study of particular features of ethnic entities is thus inseparably linked with exposing the general in the evolution of mankind. This, as well as the abstraction from the individual in the course of research, is what brings ethnography and sociology together at all levels. They are particularly close in their methods in concrete sociological research and ethnographical field studies of modern ethnic life; their approach to actuality is in many ways identical.

Since ethnic peculiarity is most evident in the sphere of culture and every-day life and is expressed first and foremost through the family, it is in these spheres that active interaction between ethnographic and concrete sociological research takes place. At the same time ethnography and sociology have in common a particular sphere which is formed by the intersection of ethnic and social-and-class phenomena. It is on research in this sphere that ethnosociology is based.